

УДК 17.03(470)+17.03(410.5)

**А. А. МУШНИКОВ КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ИДЕЙНЫХ ВЗГЛЯДОВ
БРИТАНСКОЙ ШКОЛЫ «МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА»**

В. Г. Долина

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2008 г.

Аннотация: *статья посвящена Александру Александровичу Мушникову. Развивая идеи британских моралистов XVIII в. А. Шефтсбери и Ф. Хатчесона, он положил в основу своей теории концепцию врожденного «нравственного чувства» человека, которое влечет его к добру и отвращает от зла.*

Ключевые слова: *этика, мораль, нравственность, сентиментализм, природа нравственности, свобода воли, разум, чувства, нравственное чувство, всеобщность морального чувства, врожденность нравственного чувства души, невещественность души, специфика и сущность морали, независимость морали, природа человека, потребности человека.*

Abstract: *Alexander Mushnikov, developing ideas of the British moralists of the beginning of XVIII century A. Shaftesbury and F. Hutcheson, also has put the idea of «moral sense» at the basement of his ethical theory. The moral sense is congenital to the person and attracts this person to the Good and averts from the harm.*

Key words: *ethics, moral, morals, sentimentalism, nature of moral, will freedom, reason, senses, moral sense, generality of moral sense, innateness of moral sense, immateriality of soul, specificity and essence of morals, independence of morals, human nature, requirements of the person.*

Одной из известных и существенных особенностей русской философии на всем протяжении ее развития являлась своеобразная увлеченность идеями и темами, характерными для западноевропейской философии XVIII—XIX вв. В числе оказавших особое влияние на развитие русской философии можно упомянуть Вольтера, Вольфа, Канта, Бэкона, Гоббса и др.

На первый взгляд, влияние идей британских моралистов начала XVIII в. А. Шефтсбери и Ф. Хатчесона не было столь значительным и определяющим, как влияние других упомянутых выше мыслителей; кажется, что невозможно даже говорить об определенной традиции восприятия британской моралистики начала XVIII в. в русской философии. Конечно, многие из известных российских мыслителей — М. Щербатов (1733—1790), П. Чаадаев (1794—1856), А. Тургенев (1785—1816), Г. Ф. Шторх (1766—1835), М. Муравьев (1757—1807) и др. испытали влияние британской, в частности шотландской мысли [1]. Однако можно назвать не так уж много представителей русской философии, испытавших прямое и существенное влияние британцев (Н. Карамзин, В. Жуковский, А. Мушников).

Тем не менее первое впечатление о незначительности роли британской философской мысли в истории развития русской философии представляется неверным. Несмотря на редкое упоминание имен британских моралистов А. Шефтсбери и Ф. Хатчесона, их ключевые идеи стали важнейшей составляющей некоторых систем, созданных русскими философами XVIII—XIX вв. В этом смысле представление о существовании идейной взаимосвязи между британской и русской философией вполне уместно и обосновано. Важнейшей задачей становится выявление и прояснение принципов, характерных для философии британцев начала XVIII в., которые были органично «встроены» в развивающуюся русскую философию.

Александр Александрович Мушников (1849—1909) — фигура малоизвестная в контексте истории русской философии, вместе с тем, он автор ряда интересных философских текстов. Во многом именно идеи британских мыслителей XVIII в. легли в основу его представлений о нравственности.

Будучи военным юристом по образованию, А. Мушников с 1880 по 1896 г. состоял профессором в Военно-юридической академии; затем занимал должность военного судьи. Многие его работы посвящены проблемам правоведения, но он развивал также своеобразный взгляд на природу нравственности, ее соотношение с философией, религией и правом [2, с. 611]. Наиболее явные параллели между идеями британских философов А. Шефтсбери и Ф. Хатчесона и идеями А. Мушникова можно обнаружить в его учебнике «Основные понятия о нравственности, праве и общежитии», издание которого было осуществлено в 1889 г.; в 1894 г. программа курса была доработана, а затем Мушников выпустил новое издание учебника, который имел три раздела: 1-й — основы нравственности, 2-й — основы правоведения, 3-й — формы общежития.

Одной из главных задач своей работы философ считал необходимость прояснения смысла морально-правовых понятий. Мушников был одним из первых русских ученых, попытавшихся объяснить этимологию и соотношение понятий «этика», «мораль», «нравственность». Он определяет этику как «науку о нравственных законах», которые не являются произвольными установлениями человека, но выводятся из общих представлений о добре и зле, вытекающих из врожденного нравственного чувства, влекущего индивида к добру и отвращающего его от зла.

Этимологическое происхождение слова «нравственность», отмечает Мушников, показывает, что нравственное чувство составляет постоянное и неизменно присущее природе человека свойство. «Это слово имеет одинаковый корень с глаголом «нравиться», а также с существительным «нравы» (обычай), т.е. означает, с одной стороны, нечто нравящееся человеку как совпадающее с требованиями его природы, а с другой — нечто постоянное и не подлежащее изменению» [3, с. 11—12]. В том же ключе анализирует он понятия «этика» и «мораль»: «Выражения «этика» и «мораль» (из которых первое — греческого, а вто-

рое — латинского происхождения) тоже означают постоянное, устойчивое и неизменное начало, руководящее действиями человека» [3, с. 11—12]. Далее Мушников отмечает, что понятия «нравственность» и «безнравственность» применимы только к «сознательным побуждениям, руководящим действиями человека как существа, одаренного разумом и свободой воли» [3, с. 13].

Характеризуя природу человека, Мушников подчеркивает, что человек, в отличие от животных, обладает разумом, «посредством которого не только воспринимает впечатления внешнего мира, получаемые через органы чувств, но и сопоставляет эти впечатления одно с другим и выводит из такого сопоставления общие понятия» [3, с. 3]. Отсюда философ умозаключает, что данная способность разума, которой одарен только человек, прямо указывает на существование в человеческой природе особого духовного начала, или души, поскольку эта способность не может быть объяснена простым действием физических законов. Причинами наблюдаемых нами во внешнем мире явлений мы называем различные силы (сила тяжести, магнетизм, электричество и т.п.). Значит, и душа человека как причина разумной его деятельности должна быть названа силой, но эта сила резко отличается от действующих в физической природе. Последние являются результатом взаимодействия веществ, тогда как «душа есть сила невещественная, источник которой находится вне вещества» [3, с. 3]. Хотя главным органом в теле человека и является головной мозг, деятельность разума не может рассматриваться как простое физиологическое отправление мозга, который — лишь проводник духовной силы, имеющей свой источник вне его [3, с. 3]. По мнению Мушникова, такому заключению нисколько не противоречит тот факт, что деятельность разума находится в явной зависимости от состояния мозга и что всякого рода болезни, возникающие в мозговом веществе, влекут расстройство этой деятельности; подобное расстройство объясняется тем, что существенным условием правильного действия всякой силы представляется нормальное состояние не только самого ее источника, но и того органа или проводника, через который сила проявляет свое действие [3, с. 4].

Сопоставим взгляды Мушникова с воззрениями британских моралистов начала XVIII в. Вот как А. Шефтсбери определял специфику морального чувства в своем «Исследовании о добродетели или достоинстве»: «Для существа, наделенного способностью образовывать общие понятия о вещах, не только окружающие нас люди, к которым мы испытываем какое-либо чувство, являются объектами аффектов, но и сами поступки и даже чувства жалости, доброты, благодарности и противоположные им настроения. Будучи внесены в наш разум, они также становятся объектами (аффектов) посредством рефлексии. Так, при помощи рефлексивного чувства возникает особый вид аффектов, аффектов по отношению к самим аффектам, которые мы уже пере-

живали ранее и которые становятся причиной новых пристрастий или неприязни» [4, р. 251].

Ф. Хатчесон одной из своих важнейших задач считал обоснование всеобщности морального чувства. Оно формально и не имеет изначальных врожденных идей. Отвергая врожденные идеи, Хатчесон также выводит из компетенции разума моральные дистинкции. Разум не может дать понятие и цель добродетели, поскольку не производит простых или новых идей. Его функция заключается в комбинаторике идей и поиске средств для достижения цели, поставленной желанием или чувством. На это указывал еще Аристотель: мы не цели обсуждаем, но средства. Мы взыскуем цели, считает Хатчесон, посредством некоторых непосредственных детерминаций или предрасположений души, которые в порядке действия всегда предшествуют рассуждениям; так, никакое мнение или суждение не может подвинуть к действию там, где нет предшествующего желания некоторой цели. Но не только это заставляет шотландского моралиста отвести разум в нравственной сфере на второй план. Слишком много погрешностей допускает наш медлительный и непостоянный рассудок в своей работе; разум может дать нам ложные представления о направленности развития действия. Более того, ошибочные суждения и мнения приводят к порочному поведению, за которое ответствен именно разум, а не искажение морального чувства.

Таким образом, от А. Шефтсбери через Ф. Хатчесона была воспринята и развита Мушниковым идея о том, что моральные характеристики проистекают отнюдь не из разума, но из чувства.

Именно в этом узком истолковании разума как рассудка и критикуется разум всеми мыслителями школы «морального чувства». У Шефтсбери разум как бы двойствен — одна его часть обладает способностью рационального восприятия, другая — отвечает за восприятие добра и зла, добродетели или порока. Р. Г. Апресян видит у Шефтсбери подобную двойственность и в понимании разума, который, с одной стороны, «постоянно указывает на приоритетное место «разума-родителя» в моральной жизни человека: только хорошо устроенный разум может установить должные эмоции, единую и устойчивую волю и решимость; с другой — у Шефтсбери прослеживается и частное толкование разума как рядоположенной чувству способности восприятия, а именно, *«рассудка»* [5].

Разуму как рассудку противопоставляется *моральное чувство*. Принципиальное различие между моральным чувством и разумом-рассудком состоит в том, что чувство, как и другие аналогичные способности восприятия ценностных феноменов, естественно. У Шефтсбери можно встретить замечания об инстинктивности и врожденности морального чувства. Так, в «Моралистах» он пишет, что чувство внезапно различает и видит «превосходное и приятное по форме, уравновешенное и восхитительное, в отличие от всего бесформенного, жалкого, ненавистного, презренного» [6, с. 219]. То есть моральное позна-

ние непосредственно и самоочевидно; оно интуитивно. А Хатчесон в «Опыте о природе и действии эмоций» [7] указывал, что моральная красота «поражает», она приятна «с первого взгляда» (добро вызывает восхищение и любовь без какого-либо раздумья) и может быть воспринята даже теми, кто никогда не размышлял о ней и не составлял точных понятий.

Хатчесон допускает различие между естественным и моральным добром. Все, что является источником счастья, вызывает у человека удовольствие, относится к естественному добру. С другой стороны, те поступки, которые вызывают одобрение у стороннего наблюдателя и любовь к совершающему их, независимо от того, доставляют они удовольствие или являются источником счастья, относятся к моральному добру. Хатчесон отмечает, что моральное чувство направлено на восприятие поступков именно такого рода [8, с. 127]. «Моральное одобрение в поступках вызывает то, что они движимы желанием блага другим. Созерцание благожелательности приятно, вызывает удовольствие. Это не эгоистическое удовольствие, но радость от созерцания стремления к благу других. При этом Хатчесон неоднократно подчеркивал, что переживание удовольствия и страдания сопровождают восприятия морального чувства, но не влияют на содержание моральных восприятий. В отличие от Шефтсбери Хатчесон более последовательно противопоставляет моральное чувство разуму как рассудку» [5]. Таким образом, различия между разумом и чувством выражаются не только в форме восприятия, познания явлений, но и в сферах их приложения в процессе морального выбора. Очевидно, что и разум, и моральное чувство имели свои ограничения в возможностях выбора, но характер этих ограничений у разума и морального чувства был различным.

Данные идеи были подхвачены А. Мушниковым и развиты в его этическом учении, согласно которому человеческому разуму присущи от природы известные представления о добре и зле. Представления эти не являются произвольным изобретением человеческого сознания, а возникают из врожденного нравственного чувства человека, которое влечет его к добру и отвращает от зла. Человек не волен заглушить в себе нравственное чувство, которое свойственно вообще всем людям. Отсутствие же или ослабление этого чувства в отдельном человеке всегда служит признаком ненормальности его душевного состояния. Из таких-то несомненно присущих человеческому разуму коренных представлений о добре и зле, по А. Мушникову, выводятся начала нравственности и права.

Далее Мушников обосновывает невещественность души человека. В подтверждение этого тезиса он приводит следующие соображения:

1. Разум познает не только те предметы, представления о которых получает через органы внешних чувств, но и понятия сверхчувственные, или отвлеченные; для выражения этих понятий во всех человеческих языках существует особый разряд слов — вера, надежда, лю-

бовь, добродетель, порок и т.д. Эти понятия, хотя и усваиваются человеческим разумом, но не представляют собой чего-либо, что можно видеть, слышать или осязать, измерять, взвешивать и т.д. Мушников считает, что существование в человеке таких отвлеченных не вещественных понятий не может быть результатом отправлений вещества головного мозга, так как никакая причина не может произвести того, что не вытекает из ее сущности. Отсюда философ делает вывод, что понятия не вещественные должны и причину иметь не вещественную.

2. Человек не только познает предметы чувственные и сверхчувственные, но и возвышается до самосознания, обозначая свое представление о собственной личности словом «я». В противоположность веществу и физическим силам, которые могут быть измеряемы и разделяемы на части, понятие, выражаемое словом «я», представляется сознанию человека как нечто единое, целое и нераздельное. Вместе с тем человек сознает, что он постоянно представляет собой одну и ту же личность в течение всей жизни, означая словом «я» неизменно живущую в нем духовную силу, а не тело свое, подверженное изменениям [3, с. 4].

3. Разум, руководящий деятельностью человека, направляет его волю не только к чувственным предметам, связанным с его органическими потребностями, но и к предметам, имеющим возвышенный, идеальный характер, откуда возникают особые духовные потребности человека. При этом воля, стремящаяся к высшим целям, нередко вступает в борьбу с чувственными позывами организма и подавляет их. Такая способность воли может быть объяснена только двойственностью человеческой природы, имеющей, кроме вещественного тела, и не вещественную душу [3, с. 5].

Далее Мушников разъясняет, что человек как существо разумное в отличие от всех прочих земных существ обладает свободой воли. Под свободой воли Мушников понимает «способность человека действовать в каждом отдельном случае по указаниям собственного разума с ясным сознанием значения и цели своих действий» [3, с. 5]. В мире физическом все явления совершаются по неизменным естественным законам природы, причем каждое явление вытекает из другого как его необходимое следствие; действия животных, совершаемые под влиянием инстинкта, который подобен слепым силам природы, не представляют в этом отношении исключения. Только сознательные поступки человека являются результатом свободной воли, составляющей отличительное свойство присущего человеку духовного начала, которое, в отличие от других действующих в природе сил, не подчинено закону слепой физической необходимости.

Таким образом, Мушников вплотную подходит здесь к проблеме независимости морали, показывая независимость функционирования морального чувства от внешних факторов. Подобная мысль встречается и у Хатчесона, который подчеркивал, что моральные идеи не вытекают из интереса, моральное чувство нельзя подкупить, оно не основыв-

вается на религиозных убеждениях человека и не обусловлено существующими обычаями или полученным человеком образованием. Это же касается и мотивационной моральной способности человека, а именно благожелательности. В то же время мотивы, обусловленные внешними факторами, в особенности соображениями пользы, корпоративности или авторитета, связывались именно с разумом.

Иными словами, существенные характеристики морального чувства и благожелательности проявляются в независимости моральных суждений и мотивов от гедонистических, корыстных, корпоративных соображений, конфессиональных представлений, образования, социального положения или стечения обстоятельств в ситуации принятия решения. Восприятия и решения морального чувства объективны, а побуждения благожелательности безусловны. И Шефтсбери, и Хатчесон приходят к концептуальному пониманию независимости моральных суждений и мотивов, их необусловленности опытом. Именно эти постулаты теоретиков морального чувства позволяют считать, что они первыми в истории мысли в четкой форме провели идею о невозможности вывести идею добра из логически рациональных и гипотетических (говоря языком Канта) оснований [5].

Анализируя отличительные свойства и потребности природы человека, Мушников приходит к убеждению, что род человеческий представляет собой совершенно особый разряд живущих на земле существ и имеет высшее назначение, предопределенное Творцом Вселенной. Созданный по образу и подобию Божьему и предназначенный к «владычеству над всей землей» [9], человек, пользуясь дарованными ему преимуществами, господствует над природой, покоряет ее и заставляет служить себе все силы, в ней заключенные. Вместе с тем, человек, в отличие от прочих земных существ, обладает самой неограниченной способностью к развитию и совершенствованию дарованных ему сил, и эта способность никогда в нем не ослабевает [3, с. 7—8].

Мушников утверждает, что люди осознают общность своей природы и жизненных потребностей, это побуждает их стремиться к совместной жизни друг с другом. Насильственное же отделение от сообщества с другими вызывает в них мучительное душевное состояние. Изначально человек предназначен к общежитию. На это указывает и его членораздельная речь как инструмент общения с ему подобными. Именно общежитие дает человеку возможность достигать удовлетворения его материальных и духовных потребностей. Чтобы достичь этого удовлетворения, человеку требуется приложить немало труда. Для Мушникова очевидно, что каждый человек не в состоянии посвятить себя всем видам физического и духовного труда, необходимым для удовлетворения его разнообразных потребностей, и «человек должен ... ограничить свою деятельность каким-либо отдельным видом труда, отдавая часть вырабатываемых им продуктов в пользу других людей и получая от них взамен того необходимые ему предметы, добытые их трудом» [3, с. 9]. Такой взаимный обмен продуктами между

людьми, а также дальнейшая передача накопленных предыдущими поколениями знаний и опыта возможны только при постоянном общении между ними, т.е. «при условии постоянной совместной жизни людей или общежития» [3, с. 9].

Врожденное нравственное чувство поддерживает и охраняет человеческое общежитие, оно побуждает уважать интересы других людей и оказывать им посильную помощь. Установленные на основании требований этого чувства правила, определяющие признаки нравственных и безнравственных поступков человека, называются нравственными законами. Существование юридических законов Мушников обосновывает тем, что «встречаются отдельные люди, не повинующиеся вполне голосу нравственного чувства и, по тем или другим побуждениям, нарушающие интересы других людей» [3, с. 10]. Соблюдение юридических законов является обязательным для всех людей под угрозой наказания.

В целом данный тип морального теоретизирования оказался наиболее созвучен нравственно-правовым исканиям русской этики второй половины XIX — начала XX в., занятой сравнительным исследованием права и нравственности (В. Щеглов, Н. Коркунов, А. Мушников, Л. Петражицкий и др.). Общими являются здесь темы специфики и сущности морали, исследование природы моральных норм и функций нравственности. Характерно, что и в том и в другом случае имел место сравнительный план: соотношение морали и права, с одной стороны, и морали и экономики — с другой.

Нравственным законам подчинен только человек. Если мы наблюдаем действие какой-либо силы природы, то каковы бы ни были результаты, мы не можем сказать, что эта сила действовала нравственно или безнравственно. Если удар грома убивает человека, мы убеждены, что эта сила произвела такое действие, подчиняясь раз и навсегда установленным для нее законам природы и не отдавая себе отчета в происшедшем результате; равным образом, когда одно животное пожирает другое или причиняет какой-нибудь вред человеку, мы не можем назвать это действие безнравственным, зная, что животное безотчетно подчиняется лишь врожденному инстинкту, побуждающему его стремиться к поддержанию и сохранению своей жизни [3, с. 12]. Понятия «нравственность» и «безнравственность» применимы только к сознательным побуждениям, руководящим действиями человека как существа, одаренного разумом и свободой воли.

Таким образом, в этическом сентиментализме получила развитие идея, которая позже (в теоретически наиболее проработанной форме — у Канта), оказалась в центре проблемы всеобщности моральных форм. У теоретиков морального чувства мы находим большую часть возможных выражений этой идеи. В самом простом виде общераспространенности моральной способности она нашла выражение в установке сентиментализма на то, что моральное чувство и благожелательность от природы присущи каждому человеку. Но здесь проблема всеобщнос-

ти еще не отражается, но только предчувствуется. В более адекватной форме она обнаруживается в утверждении беспристрастности суждений морального чувства и побуждений благожелательности, а также в надситуативности — равном отношении к одному лицу в разных обстоятельствах. Это обобщается в принципе универсализуемости: принимая и осуществляя решение в отношении кого-либо, я имею в виду, что такое же решение я принял бы в отношении любого другого в данной ситуации, и предполагаю, что любой другой в такой же ситуации принял бы идентичное решение в отношении меня. Наиболее явно это нашло выражение в шэфтсберианском понимании «совести, или чувства ущербности зла». Отталкиваясь от того, что совесть является общераспространенной, Шэфтсбери описывает ее именно в терминах принципа универсализуемости: «для всего человечества и для всех разумных созданий должно иметь силу следующее: что, как им известно, они заслуживают от одного, то же они должны неизбежно ожидать от всех — как от людей, так и от Божества» [10, р. 120].

Резюмируя вкратце этические взгляды А. Мушникова, надо подчеркнуть, что он, развивая идеи британских моралистов XVIII в., положил в основу своей теории концепцию врожденного «нравственного чувства» человека, которое влечет его к добру и отвращает от зла; заглушить в себе это нравственное чувство, которое свойственно вообще всем людям, человек не волен; отсутствие же или значительное ослабление этого чувства в отдельном человеке всегда служит признаком неадекватности его душевного состояния.

Таким образом, ключевые идеи британских моралистов начала XVIII в. стали важнейшей составляющей этической системы, предложенной русским правоведом и этиком А. Мушниковым.

Литература

1. *Артемьева Т. В.* Адам Смит в России / Т. В. Артемьева // Философский век : альманах. — Вып. 19, ч. 1 : Россия и Британия в эпоху Просвещения : опыт философской и культурной компаративистики / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002.
2. История этических учений : учебник / под ред. А. А. Гусейнова. — М. : Гардарики, 2003.
3. *Мушников А. А.* Основные понятия о нравственности, праве и общежитии : курс законоведения для кадет. корпусов / А. Мушников. — 2-е изд., испр. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1894.
4. *Shaftesbury A.* The Life, Unpublished Letters and Philosophical Regiment of Anthony, Earl of Shaftesbury, edited by Benjamin Rand / A. Shaftesbury. — London : Swan Sonnenschein, 1900. Vol. I.
5. *Апресян Р. Г.* И. Кант и этика морального чувства / Р. Г. Апресян // Иммануил Кант : наследие и проект / под ред. Н. В. Мотрошиловой. — М. : Канон+ ; Реабилитация, 2007. — С. 259—271.
6. *Шэфтсбери А.* Эстетические опыты / А. Шэфтсбери. — М., 1975.

7. *Hutcheson F.* Collected Works of Francis Hutcheson / F. Hutcheson ; ed. by Bernard Fabian; reprint of the 1729/1756 / ed. Hildesheim, 1971. — Vol. 7.

8. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели : пер. Е. С. Лагутина / Ф. Хатчесон ; общ. ред. Б. В. Мееровского // Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. Эстетика. — М. : Искусство, 1973.

9. Библия. Бытие, 1, 26.

10. *Shaftesbury A.* An Inquiry Concerning Virtue, or Merit / A. Shaftesbury // Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, and Times. — Vol. II. — London, 1723.

Санкт-Петербургский государственный университет

Долина В. Г., кандидат философских наук, доцент

E-mail: vdolina@mail.ru

Тел.: (925) 508-77-20

*Sankt-Peterburg State University
Dolina V. G., Candidate of Philosophy, Associate Professor*

E-mail: vdolina@mail.ru

Tel.: (925) 508-77-20